Нориэлю нравилось наблюдать за тем, как рос Каим. Как-то так получилось, что молодой эльф проводил с ребёнком намного больше времени, чем его отец. Прямо на глазах перерождённого духа мальчишка, столь похожий на его друга, учился ползать, затем — сделал первый шаг, после — сказал первое слово. Взросление Каима стало для Нориэля столь необходимой отдушиной, без которой психика молодого эльфа могла треснуть намного раньше.

Подросток уже заметил за собой, что ему нравилось учить. Он получал искреннее удовольствие, видя, как прямо на его глазах что-то трансформировалось, становилось лучше. Малик тоже это видел и понимал, сколькими знаниями обладал его бессмертный друг, и он же всячески поддерживал контакт Нориэля со своим сыном. Молодой эльф мог научить его сына считать и писать, мог научить его искусству, мог научить его тому, как жить в лесу. Мог, в конце концов, показать ему то, на что были способны чудотворцы и помочь почувствовать свою силу. Наконец, он мог показать ребёнку, что унаследовал от матери дар чувствовать духов, взаимодействовать с ними. Идеальный учитель.

Варвару хватило ума понимать, каким кладезем умений владел Нориэль. И он хотел, чтобы его сын впитал от перерождённого духа как можно больше. В какой-то степени, это в том числе спасало перерождённого духа: на поле боя Нориэль практически перестал появляться, помогая лишь в критических походах. Силы Малика, что продолжала расти день ото дня, было для этого более чем достаточно. Он всё больше походил на какого-нибудь мифического Бога Войны, пусть ни Нориэль, ни Малик вообще про такое понятие, как «Бог», не слышали.

Молодой эльф с каждым годом всё больше и больше напоминал не поддержку, но символ. Теперь его флейта поддерживала не физические тела воинов, а их дух.

Нет, не так.

Не столько воинов, сколько всего формировавшегося объединения.

Не нужно было уточнять, что это в том числе было задумкой Малика. Варвар пришёл к тому, что для того, чтобы все его захваченные территории с его смертью быстро не распались на отдельные племена, нужно было создать что-то, что могло их объединить. Что-то, отличное от чистой силы, нечто более духовное. Что-то особенное, уникальное.

Или кто-то.

— Сыграйте ещё, ещё, Великий Дух, пожалуйста!

Нориэль, держа в руках флейту, с улыбкой смотрел на ребёнка, в глазах которого горел настоящий, неподдельный огонь. В отличие от своего отца, пламя ребёнка неуловимо отличалось. Оно не обжигало, а скорее согревало. В остальном же мальчишка был практически полной копией Малика.

Ему было уже шесть лет. Правда, любой бы сказал, что Каим был не по годам развит. Как телом, так и сознанием. Всё же, природа была несправедлива.

Всё вокруг молодого эльфа продолжало меняться.

— Помнишь, о чём мы договаривались? — улыбнулся подросток. — Я играю больше одного раза в день только в том случае, если начинаешь играть и ты, Каим. Где твоя флейта, росток?

Ребёнок сжался.

— А… Ф-флейта…

Нориэль вздохнул.

Тяжело было сказать, был ли таким же в раннем детстве Малик, но у его сына определённо была какая-то проблема с тем, что он всё регулярно терял. Особенно он любил терять флейту.

Особенно.

— Я выращу тебе новую, — пробурчал подросток.

С помощью духов и личной силы вырастить из дерева новую флейту будет проще простого. Другое дело, что ему было немного обидно. Нориэль чувствовал, что начинает понимать Старейшину.

Пусть он и не мог его простить, это не значило, что он не мог его понять.

— Н-не гово…

Нориэль потрепал ребёнка по голове.

— Не буду. Это наш маленький секрет, Каим. Очередной.

Мальчишка тут же расслабился, широко улыбнувшись.

Каим сильно напоминал Нориэлю маленькую Айшу.

— Но учти, — прищурился неожиданно молодой эльф, из-за чего улыбка Каима застыла. — Если ты ещё раз потеряешь свою флейту, то я очень расстроюсь, понял меня?

Духи вокруг молодого эльфа, поняв невербальную команду, потоком воздуха щелкнули по лбу удивлённо ойкнувшего ребёнка.

— Я… я понял, Великий Дух!

Нориэль неопределённо покачал головой, подняв взгляд на яркое солнце.

— Надеюсь на это. Как Иси?

— М-маме в последнее время совсем плохо! — тут же ответил мальчик встревожено. — Она почти не встаёт.

Нориэль прикрыл глаза.

В последнее время мальчишка практически перестал ходить свободно по, как его начал называть Малик, «главному» племени (пусть географически они и были скорее на отшибе, что было где-то даже плюсом: из-за проклятого леса их практически невозможно было окружить). Отношение людей к нему менялось, да и было бы странно, если бы оно не менялось. Не стареющее странное существо, чья игра на флейте превратилась в синоним победы над очередным врагом. Такой похожий на людей, но вместе с тем — совсем не похожий. Тот, кто приносил, как и Малик, прогресс, вносил вклад в искусство; тот, кому стали посвящать песни и танцы. Неприхотливый народ слишком легко поддавался влиянию невидимой руки перегоняющего время вождя.

Великий Дух, как же.

В какой-то степени, искренне фанатичная женщина Малика и вдохновила его на создание символа.

Нориэль уже не мог спокойно сыграть на флейте в племени. Это могло привлечь ненужное внимание и вызвать у людей вопросы. Молодой эльф ужасался тому, насколько быстро всё изменилось: ещё совсем недавно он играл на флейте для всего племени каждый рассвет, радуя всех от мала до велика, когда как сейчас, меньше, чем через десятилетие, что пролетело для мальчишки, словно несколько рассветов…

Единственное, что немного мирило с такими переменами и наполняло сердце перерождённого духа хотя бы толикой радости — это злополучное развитие.

О-о-о, с этим никаких проблем не было! Прямо на глазах Нориэля племя с каждым днём преображалось всё больше и больше. Разрасталось, совершенствовалось. Шатры, в которых жили люди, начали обзаводиться дополнительным каркасом; появились полноценные тропы; общее количество населения увеличивалось, за порядком в племени начали строго следить верные Малику воины, что раньше выступили за поддержку его правления. Стали налаживаться оптимальные маршруты для походов в соседние племена, на глазах развивалась торговля.

Малик. Он целый год наблюдал за другими племенами, в основном — более развитыми. Парень впитывал чужие находки и использовал их. Тот редкий вид правителей, что заботился в первую очередь не о своём благе, а о благе всего племени, и в том числе своём. Спустя годы ситуация не изменилась — он продолжал учиться, продолжал перенимать чужие мелкие или крупные открытия, и использовать их, объединять.

И, как ни странно, с некоторыми из них очень помогал Нориэль, со стороны наблюдавший за скакнувшим прогрессом.

Когда обычным людям приходилось тратить много времени на дрессировку волков, молодому эльфу нужно было лишь иногда с ними разговаривать. Любовь животных к Нориэлю никуда и не планировала деваться. В конце концов, он был одним из воплощений природы, за которым незримо следовали такие же воплощения, духи природы.

Вместе с Нориэлем, подпитываемые его силой, они потихоньку, совсем по капле, но становились сильнее.

Вполне возможно, что однажды и они эволюционируют.

Нет. Не «возможно». Абсолютно точно эволюционируют.

Первые годы жизни Каима Нориэль часто бывал в шатре, где жили Иси и Малик (пусть последний в последнее время возвращался всё реже), но вскоре в этом надобность отпала. Нориэлю в принципе стало тяжело появляться в племени. В последний же год, с того момента, как Иси вновь забеременела, мальчишка стал посещать шатер ещё меньше. Каим уже достаточно вырос, чтобы он мог сам спокойно приходить к своему главному наставнику; слуг, которые следили бы за состоянием Иси, было много, и в том числе нашёлся человек, что обладал даром, похожим на полноценное исцеление.

Увы, этого было недостаточно.

Идти Нориэлю по племени было тяжело. Несмотря на то, что он стал закрывать лицо шарфом, что ему сделала сестра (тётя) Изориэль, его всё равно узнавали, моментально расступаясь.

Не того желал мальчишка. Совсем не того.

У входа в шатер Иси стояло двое мужчин. Бывшие охотники, ныне — личная охрана женщины вождя. Нориэль перестал пытаться с кем-то намеренно знакомиться, запомнив случай с Ясином.

Охотник, лучник, что показал ему, как стрелять из лука, ещё несколько лет назад погиб в бою. Нориэлю было безумно больно слышать плач ещё совсем маленького ребёнка, который потерял своего отца.

Трещины. Они никуда не собирались уходить, потихоньку накапливаясь.

Мужчины и не думали останавливать Нориэля. Только увидев фигуру подростка, они тут же приложили руки к сердцу и расступились, поклонившись.

Мальчишка цыкнул, не став ничего говорить.

Внутри шатра была только Иси. Уже совсем взрослая, по местным меркам она считалась далеко не молодой. Насколько знал Нориэль, ей было около двадцати шести лет. Столько же, сколько и Малику. Правда, в отличие от своего мужчины, женщина не могла похвастаться его здоровьем: бледная, исхудавшая, совсем слабая. Едва живая.

Нориэль вздохнул.

— Иси.

Мягкий голос мальчишки заставил дремавшую женщину открыть глаза. Её взгляд тут же загорелся, она, вопреки своему состоянию, широко улыбнулась.

— Великий Дух, вы вновь пришли!

Нориэль подошёл к лежавшей женщине, присев рядом с ней. Флейта уже была в его руках. Пусть игру мальчишки и услышат лишние уши, создав ненужные вопросы, ему было плевать. Молодой эльф прислушивался к советам Малика, выполнял многие его просьбы, однако он не был его слугой или одним из многочисленных рабов, что он приводил из соседних племён.

Если он думает иначе, то…

Малик и сам должен был понимать, что совсем безобидным перерождённый дух не был.

Просто, в рамках человеческого мышления, безумно терпеливым. Однако это совсем не значило, что его терпение было бесконечным. Любое стекло, если в нём будет слишком много трещин, однажды треснет.

И этот день с каждым рассветом приближался всё ближе.

Заключенные в шатре духи, тянувшиеся к молодому эльфу, совсем не помогали душевному спокойствию парня. Нориэль готов был ждать обещанные накопленные знания чужих племён ещё долго, но духи…

— Что сказал целитель? — мягко поинтересовался Нориэль.

Мальчишка не спрашивал у своего друга, почему он не пускал духов. Просто ждал.

Как порядочный дух природы, он просто наблюдал.

Только вот, Нориэль «был» духом природы.

Его взгляд был направлен на большой живот женщины. Она ждала второго ребёнка. Слышит Лес, мальчишка был уверен, что второй ребёнок был одной из самых крупных ошибок, что совершал Малик. Пусть в местном обществе и было нормально женщине рожать до тех пор, пока она вообще может рожать, Нориэль не считал это правильным. Оправданным — да, смертность детей была довольно большой, пусть с появлением целителя и его игры на флейте процент выживаемости многократно увеличился, но правильным — нет.

Иси прикрыла глаза, глубоко вздохнув.

— Я сделаю всё, чтобы дитя родилось здоровым, Великий Дух, но сама, скорее всего, не переживу этого.

Нориэль не стал что-либо говорить, молча заиграв на флейте, вкладывая в свою игру неизменную каплю силы, что на фоне океана энергии Малика просто растворялась в ничто. Пожалуй, в такие редкие моменты образ Айши сзади него вновь оживал и наполнялся радостью. Даже источник внутри мальчишки с большей готовностью откликался на игру, несущую созидание, а не разрушение.

К сожалению, игра мальчишки уже была настолько совершенной, что ему было плевать, хорошо он себя чувствовал или нет. Его игра просто физически не могла быть плохой. Ведь он знал, что сзади него всегда будет незримо стоять образ его первого друга и слушать.

Он уже физически не мог сыграть плохо. Не хотел и не собирался, даже если от этого будет зависеть его новое воплощение.

Вскоре, стоило женщине уснуть, Нориэль, проводив взглядом духов, встал и ушёл.

Время продолжало идти. Всё больше людей в западных землях узнавало про Нориэля. Ненасытный варвар, наконец, постепенно начал успокаиваться, принявшись укреплять посредством фигуры бессмертного друга захваченные земли. Начала появляться более подробная карта, прямо на глазах развивалась инфраструктура и налаживались многочисленные торговые пути. Даже лес Малик не оставил без внимания, принявшись осваивать и его. Жизнь, вопреки тому, сколько этих самых жизней было отнято, под управлением чудовища становилась, словно в насмешку всем тем, кто защищал свой родной дом и жалко погиб, лучше, вызывая у Нориэля безумно много противоречий в душе.

Мальчишка понимал эффективность методов варвара. Однако вместе с тем он понимал и то, насколько ужасный и страшный путь он выбрал.

Впрочем, это совсем не значило, что варвар собирался останавливаться. Скорее, взять передышку и подготовиться.

Ведь в ближайшие годы могла вспыхнуть новая, самая яркая и масштабная, последняя на долгие годы война с племенем, которое однажды и вдохновило так сильно Малика. Племя Горных Ястребов.

День, когда земля под ногами Нориэля уйдёт окончательно, становился всё ближе.

Не хватало лишь нескольких трещинок.

http://tl.rulate.ru/book/94178/3248305